

ЯДОВИТЫЕ ГАЗЫ

Ужасное действие ядовитых газовъ является слѣдствіемъ какъ ихъ химическихъ, такъ и физическихъ свойствъ. Обладая общимъ свойствомъ при извѣстной низкой температурѣ и опредѣленномъ давлѣніи переходить въ жидкое и даже твердое состояніе, ядовитые газы, какъ и остальные газы, занимаютъ при этомъ такой минимальный объемъ, что большое количество ихъ удобно помѣщается въ маленькомъ снарядѣ. Какъ только снарядъ разрывается, пониженіе давленія и повышеніе температуры переводить заключенное въ снарядѣ вещество въ прежнее газообразное состояніе, причемъ происходитъ громадное расширение его объема.

Первоначально ядовитые газы поражали дыхательные пути. Такими газами были вещества, главная составная часть которыхъ была хлоръ, либо вещества, выдѣляющія этотъ газъ. Разрушительное действие этихъ газовъ на легочную ткань было ужасно. Во время войны ничто такъ не возбуждало чувства ненависти къ врагу, какъ видъ мученій этихъ людей съ искаженными, вздутыми и посинѣвшими лицами. Но какъ только въ качествѣ противозащиты появились газовые маски, то шонадобилось отыскать другое мѣсто, чрезъ которое ядъ могъ бы проникнуть въ тѣло человека. Кромѣ этого требовалось усилить действие яда и это было достигнуто тѣмъ, что въ фосгенѣ, продуктѣ легко выдѣляющемся хлоръ, одинъ или два атома были замѣнены трицианистой группой.

Полученные, такимъ образомъ, новые соединенія отличались темъ, что достаточно было влажности воздуха, почвы или дыханія, чтобы выдѣлить изъ нихъ синильную кислоту, минимальное количество которой неминуемо ведетъ къ смерти. Кромѣ того при этомъ процессѣ образуется щѣкое вещество, растравляющее поверхность кожи, что конечно еще болѣе способствуетъ проникновенію синильной кислоты въ тѣло.

Особенно ядовитыми свойствами отличается трицианистый водородъ, твердое вещество, легко помѣщающееся въ снарядѣ. Какъ только при выпускѣ снаряда температура достигаетъ 180, вещество это, взрываюсь, таетъ причемъ изъ каждой молекулы его образуется три молекулы синильной кислоты. Комбинируя синильную кислоту съ фосфоромъ, можно воспламенять первоѣ значительно повысить. Самъ по себѣ фосфоръ также примѣняется для начинки бомбъ, распространяющихъ тотъ ужасный огонь, который не можетъ быть потушенъ водой.

Все это однако, не даетъ полаго представлениа о цѣломъ арсеналѣ адскихъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи военныхъ техниковъ. Такъ напр., что послѣднимъ изысканѣемъ органическія соединенія мышьяка или ртути не уступаютъ вышеупомянутымъ средствамъ по своему опустошительному дѣйствію. Но и сказанного достаточно, чтобы ясно представить себѣ, во что можетъ вылиться ближайшая война. Особенная опасность заключается также въ томъ, что приготовленіе этихъ смертоносныхъ веществъ отличается несложностью. Оборудованія всякой красильной фабрики, снабженной необходимыми исходными продуктами, достаточно, чтобы она въ пѣсколько часовъ была готова для производства ядовитыхъ газовъ.

ЯКЪ ЛЕМКО СТАЛЪ УКРАИНЦЕМЪ

Написалъ Аскольдовичъ.

— Дай вамъ Боже здравия, теску, — поклалъ я руками по плечахъ Грица Цимбалу, моего краяна зъ Лемковщины, на другомъ гоффѣ, коло канцеляріи пана комиссара въ Талергофѣ.

Зима была, хлопомъ трясло, бо не малъ на собѣ только сорочку и якусъ панску стару кашоту, которую дали ему, коли выйшли зъ тифусу.

— Вы днеска не на роботѣ? — спрашивалъ.

— Нѣть, — каже старый, — вчера возились гной зъ лятринъ подъ нѣмецку рѣпу, а днески орати мали людьми (по четырехъ хлоповъ до плуга брали), но примерзло, та не гнали вояки.

— Добре, — кажу, — но чого-жъ вы ту?

Народа а народа толпилося коло канцеляріи пана комиссара, которымъ бытъ якій украинецъ. А стягалъ онъ протоколь на свободу, т. е., чи кто желающій освободитися зъ Талергофа не «кацапъ». Но хотя бытъ и «кацапъ», то если зложилъ декларацию, что онъ пристає на украинца, сейчасъ то ишло до Вѣдня до министерства, и за пару дній съ парадами и почестями отходилъ такій ладунокъ «птаховъ» до дому или до Вѣдня на правительственные запомоги, которы Вѣденъ даваль лишь украинцамъ за ихъ выслуги.

Хотя такихъ освобожденыхъ декларантовъ украинскихъ было довольно много, однакъ хлопы зъ повѣтівъ: Жолкви, Равы Русской, Золочевщины, а всего больше зъ Лемковщины, волѣли страдати и умирать въ Талергофѣ, якъ писатися въ таборъ украинскій, такъ якъ они знали, что то панске покровительство, а оно веде народъ въ рабство для панскоаг интересу.

— А што-жъ вы ту хотите, теску? — спрашивалъ еще разъ, здивованный, что между симъ избраннымъ украинскимъ народомъ есть хлопъ зъ Лемковщины.

— А дайте мѣ покой, што вамъ до мене! — отвѣчае старый — Видите, босый емъ, голодный, колѣки колютъ, уже два лѣта сиджу въ крепишалъ и прииде человѣку скапати, не видѣвъ своей земли.

Дѣйствительно, жалкий видъ бытъ у Грица, — оденъ только ковтъ подергтый прикрывалъ его тѣло, ноги были поокручены въ лахи, которыхъ стямыши волочились за нимъ по болотѣ. На головѣ малъ шапку зъ па-

перу, — якъ то въ той чась было въ модѣ въ Талергофѣ — за полсомъ шалька, не мыта уже цѣлый годъ, може для браку воды въ тюрмѣ. Исхудалый до костей, заросшій волосомъ на головѣ и твари, не мытый еще отъ тифусу, трясся отъ зимна и голоду и оглядывался блудно очима то въ ту, то въ другу сторону, якъ безборонне ягнѧ, которое ведутъ на смерть.

— Та же гевъ — повѣдаю, — лемъ сами украинцы ся пишутъ до дому, а вамъ што до нихъ?

— Ба, ци не бачите, што ту и пейсаты жиды ёдять солонину, што розказъ то розказъ, а намъ слухати, если за украинство пущають до краю, та якъ не быти украинцемъ?

— На! — думаю собѣ, — а мой теско всегда только справедливости глядалъ на свѣтъ, тогда когда былъ русскимъ человѣкомъ, а сегодня самъ въ болото лѣзе. Но, але — думаю собѣ, — хлопъ шестьдесятъ лѣтній, больный, обдертый, голодный, надъ гробомъ!

Вернулся я до бараку и росповѣдамъ краянамъ, а они на то: — Дайте покой старому, ему ся въ головѣ барзъ баламутить. Съ нимъ такъ сынъ зробиль, што онъ сегодня не мае ани до кого, ани до чого вертати. Хлопъ на велику бѣду есть, а зъ него ужъ ани Украина, ани Русь потѣхи не буде мати, та най бодай кости на своимъ цментарю зложитъ.

Цѣкавости моей не было конца. Я ожидалъ съ нетерпѣнiemъ хвили, коли старый поверне до бараку.

Долго его не было, бо близко не цѣлый день выстояль старый на зимиѣ и болотѣ, пока не достался до всемогущаго украинца, пана комиссара цѣсарскаго. Подъ вечеръ ажъ, коли раздавали чай зъ кропивы безъ цукру, притапилъся и старый, набралъ шальку теплой смердоюхи и хлипалъ бѣдныи якъ скотъ, чѣмъ отразу малъ заспокойти и голодъ и жажду ажъ до рана, коли раздавано по хохлѣ бобовянки, въ которой не могло быти больше якъ по два-три бобы или фасоли.

Коли ся въ бараку по «чайо» успокоило, я немедленно перескочилъ черезъ «причи» и удался до старого Грица, который уже лежаль на соломѣ съ завитою головою отъ боли.

— И што, теску, доброго принеслиште отъ пана комиссара? — спрашивало.

— Ой, ты мѣ, ой! же вамъ спокою не дае мое бѣдне житъ. Та што? Дали фалатою паперя и казали, што за пару день ужъ моя бѣда кончится, бо або умру, або пойду до Вѣдня со вшиткими, што ся писали на Украину, а пакъ до дому; но, але где, та не знаю, ци до брата, ци до сестры, бо своей хижѣ ужъ не мамъ!

— Якъ то, — пытаю — а где-жѣ ваша хижѣ?

— Та, то велика исторія, теску, — рече Грицъ — тай и я прото-ту.

— Повѣдайте, повѣдайте, старый, — прошу его, — часу доста маляемъ.

И началъ старый отъ такъ: — Я было быль богатый крестьянинъ. Въ селѣ начался рухъ, почали хлопы думати о русской читальнѣ, и якъ то мене втягли въ тово, штобы я хату отступиль на Качковскаго читальню. Я было не зналъ, што то такое, но я чуль, што тотъ Качковскій оставилъ великии гроши на то, штобы темный народъ просвѣщался и познаваль свое, што русскѣ, та я присталь, бо вымѣрковалъ собѣ, што то не планио, коли ученый человѣкъ не єль, не пиль, не доспаль, а щадиль цента на просвѣщеніе бѣдного русскаго хлопа. Та стались до мене люде сходити на nauку вразъ со священникомъ и учителемъ, и такъ они ся у мене поучали каждый другій вечеръ. Я зъ того барзъ вельо схаснувалъ, бо научился сады плекати, пчолы ховати, землю обрабляти, лѣсъ на свѣтѣ бывать, и я малъ потѣху и доходъ вѣкшій. Такъ было съ пять лѣтъ, а може и довше. Мы мали трое дѣтей, але двое померло, а остался лемъ одень хлопчикъ гарный, здоровый и розумный. Было ему имѧ Стефанъ. Коли у мене была читальня, та ему было якихъ девять лѣтъ. Въ томъ часѣ умеръ нашъ духовникъ, а учителя взяли на другу школу. Прийшолъ новый священникъ и учитель и въ селѣ зачалася нова возъня. Священникъ заказалъ людямъ до читальни ходити, же то «кацапска» и вызывалъ каждого въ церкви, кто тамъ еще заходиль и помалу народъ зъ боязни пересталъ до мене ходити.

Якъ то разъ приходить до мене учитель и гварить: — Грицу, вашъ сынокъ учится добре въ школѣ, може бы сте его дали до гимназіи, та пошъ зъ него буде.

— Добре бы было, — подумалъ я, ба и бабѣ блиско въ очахъ на то слово «попъ». Я почался выпытывать, вельо бы то стояла тата наука на попа, но, але онъ мѣ сказалъ, што то барзъ мало буде коштувати, тай я присталь.

Взяли хлопчика, завезли до мѣста, дали до бурсы якойсь, а я тамъ наплатилъ всего три златы на мѣсяцъ, кусъ капусты, бандуръ, солонины вать, и хлопчикъ учился добре. Зразу было ничъ, но за якіи два-три лѣта, мой хлопчикъ мене называе «кацапомъ», а я до него: — А ты што? А онъ до мене, ба, и съ кулакомъ: — Я — гварить, — украинецъ, и вѣсъ ту вшиткихъ розуму навчу, лемъ жебымъ на попа выполь.

— Ой, бѣдонъко моя здоровая, — подумалъ я, — та гада собѣ женою! Но пропало.

За моей загородой жилъ полякъ Ясiekъ, швецъ. У него была юнка Кунда, а была въ тѣхъ рокахъ, што и мой Стефанъ. Они бывало обое разомъ цехъ тримали, якъ то дѣти. Мой Стефанъ по двохъ-трехъ лѣтахъ науки во школахъ прийшолъ до дому, тай вѣче не хоче идти.

— Што таке, — пытаю его, — чи-сь ужъ на попа выйшоль?

— Што тѣ до того, карапе? — рече. — Я на попа не маю чого
идти, бо я грунтовый пань.

На то я ему: — а вшакъ то мое, пока я живу.

Но онъ вызвалилъ мѣ языкъ и показалъ фигу: — Увидишь, — ка-
же, — чи твое.

Отъ того часу не было въ хатѣ спокою. Хлопчиско до школы уже
больше не пойшоль, повѣдалъ, што школа потребна лемъ жебракамъ,
котры не мають ни хаты, ни роли, а онъ единакъ, то чого му ся мучити
по школахъ. Я ему пускалъ на волю. Сидѣль онъ у попа, у учителя
вечерами и тамъ раду радили. Вышю и таѣ, же его за писаря мають
обрати на новый выборъ, бо же старый писарь «карапъ», ба, та и вшит-
ко попъ съ учителемъ и моимъ Стефаномъ мали переоначити, бо, якъ
повѣдали, же то вшитко «карапство» старосѣцкое, ничъ не вартать.
Сновъ хлопчиско зачаль ходити за Кундовъ, котора ему ніякъ спокою не
давала, и, бывало, коли где выйде, то она уже и плящу собѣ не може
знайти а разъ вразъ зазерать до оконъ и коло хижи и войде за чѣмъ
нибудь до хаты, чи треба, чи не треба, лемъ жебы ся дознати што о
Стефанѣ. А тогъ зась глуптасико, якъ съ откале прииде, та лемъ въ
зеркалѣ сидитъ, а до облака за Кундовъ позерать; вечеръ, ужъ пропалъ,
або дагдѣ обое коло плota, або въ хижѣ у швеца, а въ дома не посѣдить.
Та оно и лучше, бо въ дома вшитко му на завадѣ было, — кне матку,
кне мене, москальомъ прозывать, за Украину спѣвать, а все грозитъ,
же карапамъ, та и мѣ внетъ конецъ прииде.

Такъ было безъ якихъ три роки — адъ, правдивый адъ въ хатѣ.
Ажъ одного разу каже до мене Стефанъ: — Старый, я ся женити буду.

— А где? — пытаюся.

На то онъ каже: — Съ Кундовъ.

— А якъ же, — повѣдамъ ему, — та съ ляхавковъ?

— А што, — рече, — ляхъ не човекъ?

— Э, — гварю, — якъ у тебе и руснакъ не човекъ.

— Но, — говорить, — то што инше.

— Нѣть, сыну, — повѣдамъ, — не будешь ся ты тамъ женити.
На то онъ: — Або вы мѣ роскажете?

И такъ стало; ажъ онъ за пару дней гварить мѣ: — Дай мѣ, ста-
рый, цѣнзии на шифкарту, я ъду до Америки.

Я на то зглупѣль, а же давно я ся не чуль паномъ въ дома, та
повѣдамъ красно: — гей, сыну, съ кѣмъ-же настъ со старой мамой оста-
виши на такомъ господарствѣ? А онъ мѣ на то повѣдѣть: — Съ чортомъ.
О-о-о... и машь ту сына, што школы якиси кончили.

И такъ сновъ остало. Але виджу я, што мой Стефанъ таки не на
жарты бесѣдуе о Америцѣ, тай порадилиссе съ бабой женити врага

съ Кундовъ. Повѣдамъ я ему: — Кедъ ужъ иной рады нѣть, таѣ ся
женъ, але чи тогъ тобѣ на добре выйде, не знамъ.

— Добре, — гварить, — оженюся съ Кундовъ, лемъ мѣ мате
записати вшитко маєтокъ, а инакше нѣть.

На то я пристати не хотѣль, а онъ мѣ повѣль, же ся и таѣ обойде,
а о мою ласку не стоить. Пошоль до швеца въ самы роботы и брезъ
двѣ недѣли ани ся не показаль до хижи, лемъ высыпалъ швецовы дѣ-
тиска, котрыхъ тамъ съ двѣ копы было, подъ хижу, та totы разъ вразъ
ривчали: — Старый карапъ, старый карапъ. Моя баба не могла тому
стерпѣти и нагварила мя, жебымъ ся бѣды позбыль и записаль Стефанови
грунтъ и поль хижи. Пошоль я до швеца и тогъ повѣдамъ сынини, а
онъ мѣ на то: — Пришли сте до розума, лемъ мене не премудруете,
якъ хотите, то пишьте цѣлу хижу, а сой лемъ «до живота» оставьте,
иначе нѣть.

Виджу, што ся безъ бѣды не обойде, присталь я на вшитко, лемъ
жебы до роботы пришоль, бо и сѣно и зерно стояло на шину, а и подъ
жито треба было покладати. Пошлисме до суду и я присталь на вшитко
и подписаль вшеляки папери, што панове писали. Такъ-емъ ужъ тогды
подписался на конецъ мому животу. Дали-сме на оповѣди, зладили на
весѣлья, што треба, пакъ пришоль день свадьбы и радости для сына,
Кунды, швецовъ и всѣлякихъ старостовъ и старостинъ ляшни, — ба,
правда, быль и учитель нашъ, а подпивши спѣвали: “Jeszcze Polska nie
zginela” и “Ще не вмерла Украина.” Радовалися, пили, якъ гуси, лемъ
ли стара, якъ блудны овцы, якъ сироты на чужомъ господарствѣ, блу-
вались съ кута въ кутъ плаучи.

Розсѣль ся сынъ на господарствѣ съ Кундовъ не на жарты; бабу
мою отъ пеца одогнали, а швецы разъ вразъ ужъ въ хижѣ сидѣли и вы-
жерали, та и выносили, што лемъ подъ руки здатного впало. Вѣрутne
настало пекло въ хижѣ; бесѣду завели польску съ Кундовъ, бо она ничъ
по руски не знала, але выучиль ю Стефанъ лемъ спѣвати по украински
“Не пора ляхови и москалеви служити”, то таѣ Кунда ревѣла, што дуб-
омъ зо страху волосъ на головѣ ставало. Я ей разъ повѣдамъ: Што
же ты таѣ и на ляховъ спѣвшъ? А она мѣ на то: — Вшакъ мы
вписци украинци, а и вы тату, ино жесте уперты.

— Но таѣ, — подумаль я сой, — та теперь знамъ, што украина
те не русский народъ, лемъ кто ся тамъ зъеднать до той компанії, кедъ
и Кунда, заѣла ляхавка, гварить, што и она украинка, а до польского
костела ажъ до третьего села ходить, ружанцы польски спѣвать, кне тѣжъ
по польски, огварять по польски, поневѣрять мене и мою бабу по польски,
съ сусѣдами жресся по польски, а теперь родовита украинка. Тамъ я
позналъ, же тога украинка для якогоси интересу заложена и барзъ мѣ
ся того вшитко опротивѣло.

Далъ имъ Богъ мале, хлопца, та спрвляли-сме крестины геть по украински, бо швецы ся пошили и мало до бѣды не пришло, бо старый швец Ясiekъ кричаль разъ вразъ, што онъ украинецъ и вшитка его фамелія и што ту “щеруны вишитко выстреляю, якъ Украина настане”, но и пару нашихъ людей взяли ся до него и мало бѣйка не была, але я влѣзъ межъ нихъ съ палѣнкой, тому та другому гамбу зальяль и по-розганилъ пьяныхъ спати. Вишитко бѣды не оповѣль бы до рана, якъ то ся на моей працѣ закладала Украина, бо и не хочу згадувати той бѣды.

На то вишитко настала война. Стефана взяли до войска отразу. Якъ отходилъ, та мѣ наповѣль казанья, жѣбымъ Кунды слухаль, бо то она ту газдыня, но я и матка мимо того благословили свое дитя на незнану дорогу.

Пошель.

За пару день, якъ уже ся война роспачала, слышу, што гевъ и тамъ арестують нашихъ священниковъ, учителей, хлоповъ за то, што они русске мено тримаютъ, або русски читальні закладали, або представленъ давали. По мѣ морозъ перешолъ такъ, якъ отъ спѣванья Кунды..

— Эй же, думамъ сой, — штобы и мене старого тота бѣда не надыбала.

Акуратъ на само Успеніе Матери Божай заѣхали до мене двѣ кареты съ панами, двома шандарями и двома вояками! Пришли, пытали за мене, за читальню, за книжки, розбuriли цѣлу хижу, сыпанець, стодолу, стайню, ажъ до капусты въ бочку багнетъ пхали, чи дагде и тамъ што не знайдуть, штобы имъ ся придало, а найбарже ся потѣшили, якъ нашли книжечки Качковскаго, «Науку», «Лемко» газету, — ой, то для нихъ быль рай. — Ажъ тя теперь маме, гварить, — ты старый псе. Но я спокойно ждалъ, што буде. — Скуй го! — рече оденъ панъ до шандаря капрала, — и отпровадъ до старости.

Пропало! Баба падала до ногъ тѣмъ велькоможнымъ панамъ, слезами заливалася ихъ ноги и цѣловала, штобы мѣ дали покой, што я спокойный чловекъ, но на то конпнуль ю въ зубы тотъ панъ, што му ноги цѣловала и рекъ: — Я и ціебе каже скучъ.

Бабъ кровь потекла зъ гамбы, съ жалемъ подивилася на мене остатній разъ та и зомлѣла.

Што ся дале стало, не знамъ, бо мене сковали и «нашудъ маршъ» загнали до мѣста. Иду напередъ шандара, а дороги предъ собой не виджу: чорно мѣ предъ очами, не знамъ, што ся со мной водить, але еще памятамъ ся на тильо, што Бога прошу, штобы быль со мной, не оставляль мене.

Якъ-сме вышли на Кичеру гору въ лѣсъ, гварить шандарь:

— Стамъе капку, отпочнеме.

Я сталъ. Онъ мене роскуль, выняль зъ торбы фалать солонины и хлѣба, далъ мѣ, взялъ собѣ и посьдалисме за фосой, тай ёме.

Шандарь той быль русскій чловекъ, сынъ хлопа отъ Жолкви, онъ быль мѣ знаемый и мы ся оба заходили добре, но служба есть служба, онъ робилъ то, што му казали.

Такъ сѣдиме оба, а онъ мѣ гварить таке: — Знаете, газдо, кто вѣстъ арестуваль?

— Нѣть, — гварю.

— А, то смотьте! Выняль фалать паперу и читаль долго. Писано тамъ было, што у мене была карапска читальня, што я руссо-филь, а не украинецъ, што я напротивъ австрійско польского пануванья бунтоваль нашихъ хлоповъ, што у мене люде поучовалися по русски и т. д. Якъ онъ мѣ то читаль, та мѣ то ничъ дивно не было, бо оно и таки вишитко правда было писано, лемъ дивно мѣ было, якій то такій польскій, проклятый Богомъ и народомъ, рабъ и лизунъ нашихъ гнобителей, малъ на мя такъ находити, што мене за правду скували, и кто зна, чи не повѣсять. Такъ шандарь на то пытать ся мене, чи я знамъ, кто то писалъ.

— Нѣть, — реку, — якій бы гадъ противъ воли народа и справедливости могъ таку зраду писати.

Онъ мѣ на то далъ паперъ до рукъ и я помалу прочиталь польске писаны цѣле имя и назвиско моего сына Стефана. Ажъ тогды заперло во мѣ духъ и закрутилися слезы въ очахъ; ой, горько мѣ, горько стало. Прекляль я тогда тоту годину, въ катору мене нагвариль учитель отдать хлопца до украинской гимназіи, бо то тамъ научиль ся онъ отца карапомъ прозывати и ненавидѣти. Правду казаль Христось, што предъ концемъ сїта дѣти повстанутъ на своихъ власныхъ отцовъ, и такъ есть: мой родный сынъ выдалъ мене ажъ и на шебеницу про то, што я не отрекся русскаго рода и имени, съ якимъ я на тотъ свѣтъ пришолъ, якимъ мене моя мама называла. Ужъ-емъ ничъ не гвариль шандарю, ани онъ ничъ не гвариль, лемъ сняль зъ главы «гаубицу», позрѣль на небо и восстнушъ.

— Подъмѣ дале, — гварить. Встали-сме, онъ кайданы ужъ мѣ не закладаль, лемъ напредъ себе велѣль идти.

Што было по дорозѣ, якъ жиды и ляхи и всяка сволочь чловека сильовували, каменями била, а потомъ въ гарештахъ якъ мучили, та иль што оповѣдати, бо вы сами, теску, тово прещли. Ставаль-емъ и ѿ суду три разъ, но видно зъ протоколовъ, што мои книжки и газеты, што мѣ забрали панове деси пропали въ староствѣ, бо тамъ ужъ русскій войска запшли и вишитко присѣли, а же ся все панове тутъ въ Грацу вѣдуютъ, што я за книжки малъ и яки паперы тамъ были, што забрали шандаре, я зъ того вышолъ, же они ихъ не мають, та гварю, же ничъ не знамъ и жебы они, кедъ взяли, пообзерали сами, што тамъ пленного

есть. Но они машають руками; съ чего видно, што до судного дня ихъ ужъ не найдутъ. Едень словенецъ вояжъ, што есть при томъ судѣ за писаря, гвариль мѣ: — Не бойтесь ничего, шицко препадло и они не знаю, што съ вами дѣлать — ничъ вамъ не буде.

Теперь же мамъ тотъ фалать паперя, жемъ чистый украинецъ и можу спокойно идти до дому, але впередъ мамъ идти зо вшиткима до Грацу, где дадуть пашпорть до свого краю. Сестринъ хлонть на войнѣ, братъ въ дома, бо уже въ рокахъ, — та чи ту чи тамъ притулюся, где будь, а и не знамъ, што ся со старой водить, чи жіе еще, та пойду тамъ, где она буде.

На томъ окончилъ мой краинъ исторію своего житъя и я не удивился, што той человѣкъ писался на Украину, бо кромѣ того, што жизнь его была вполнѣ подорвана, онъ въ мысляхъ и изреченіяхъ блудиль всего больше, когда началъ оповѣдати о зрадѣ родного сына.

За нѣсколько день я видѣль старого уже перебранного въ чисту сорочку, опанчу, чоботы, капелюхъ (што только прислуговало экспортъмъ украинскімъ), онъ ладилъ въ дорогу, но въ душѣ у него было глубокій, неотъемлемый смутокъ.

Возвратился и я до Галиції, когда наша Лемковщина стала уже провинцію польскою. Чувствовался такъ, якъ каждый русскій человѣкъ, якъ повѣдали “соловей у кота въ пазурахъ”, но исторія Грица мене преслѣдовала.

Когда поляки украинцевъ побили и установили въ восточной Галиції свое царство, тогда цѣла исторія Грица и его сына дошла и до мене. А конецъ ей былъ такій:

Стефанъ, яко ревній украинецъ, поползъ въ ряды украинского войска и боролся хоробро съ поляками, но за якійсь часъ увидѣль, што Украина не выграе, а такожъ фамилія шевцовъ внушала въ него, што онъ долженъ боронити «панство польске», — Стефанъ, не надумуючися много, вернулся подъ прaporъ «бялого орла», вступиль яко польскій жолібрі до польского войска, боролся дальше хоробро съ украинцами, которы на конецъ въ бою подъ Самборомъ его убили. Такъ кончилъ свой честный животъ украинскій выхованокъ.

На господарствѣ Грица осталася вдова Кунда съ хлонцемъ Стасіомъ, по небошуку Стефанъ, и швецы заложили собѣ на великому господарствѣ по рускомъ газдѣ польскій рай, котрого головою былъ уже маленький Стасіо, полячокъ.

Стара Грициха умерла въ часѣ войны съ тоски за мужемъ, а Грицъ доживає свога вѣку у брата съ глубокою раною въ сердцѣ за потерянною свободою русскаго народа, раздумуючи надъ зрадою сына котрого не оминула заслуженна кара. Кунда сповѣ, якъ слухи ходятъ,

съ великого жалю за Стефаномъ, мае ся отдавати за Войтка, молодшаго сына рѣзника эъ мѣста, поляка и обое мають заложити на газдовствѣ Грица корчму со склепомъ для выгоды русскаго населенія и славы Украины! . . .

— 00 —

ЗАПАСЪ УГЛЯ ВЪ ЗЕМЛѢ.

Весь запасъ угля въ землѣ геологи обчисляютъ на 7,685,000 миллионовъ тоннъ:

Соед. Штаты (ст. Аляской) 3,500,000 миллионовъ тоннъ, Канада 1,361,000 мил. тоннъ. Мексика и Центральная Америка 10,000 мил. тоннъ. Всего въ Сѣв. Америкѣ 4,871,000 миллионовъ тоннъ.

Въ Южной Америкѣ: Коломбія 30,000, Бразилія, Чиле, Перу и Венезуэла 100,000 миллионовъ тоннъ.

Въ Европѣ: Островы Великобританіи 166,000, Германія 148,200, Польша 68,800, Россія (европейская) 67,600, Чехословакія 24,500, Франція 18,600, Бельгія 11,000, Норвегія и Шпітцбергенъ 8,750, Испанія 5,500, Голландія 5,000, Австрія и Мадьярщина 1,000 и т. д. Всего разомъ въ Европѣ 522,200 мил. тоннъ.

Въ Азіи: Китай 1,100,000, Сибирь 192,000, Индія 87,000, Индо-Китай 22,000, Японія 9,000 и т. д. Всего 1,900,000 мил. тоннъ.

Австралия и острова Тихого океана: 200,000 мил.тоннъ.

Въ Южной Африкѣ: 62,000 миллионовъ тоннъ.

Твердый уголь (антрацитъ) находится въ восточной части Пенсильваниі, въ Китаѣ, въ Канадѣ, въ Донецкому бассейнѣ (Россія) и немногихъ другихъ странахъ.

Свѣтовая добыча угля за 1922 г. обчисляется на 1208 мил. тоннъ, въ томъ добыча Соед. Штатовъ составляетъ около 40%. Добыча Европы выносила 562 мил. тоннъ, въ томъ числѣ Англія 166, Германія 168, Чехословакія, 32, Франція 29, Бельгія 21, Польща 8 и т. д.

Свѣтовое потребленіе угля уменьшается, такъ якъ замѣщаетъ его все увеличивающееся потребленіе нефти.

Геологи обчисляютъ, что извѣстныхъ нынѣ запасовъ угля выстарчить можно больше якъ на 1000 лѣтъ.

— 0 —

ВЪКЪ ЗЕМЛИ.

Межди учеными іѣть согласія въ вопросѣ о вѣкѣ нашей земли. Лордъ Рейлей на основаніи радиоактивныхъ методовъ іаслѣдованія пришелъ къ заключенію, што уже 1,000,000,000 тому назадъ земная скорлупа была пригодна для обитанія живыхъ существъ.

Проф. Гаутонъ пользовался лишь чисто геологическими средствами въ своихъ іаслѣдованіяхъ. Онъ принимаетъ, что земля не можетъ быти старше якъ 100 миллионовъ лѣтъ.

Лордъ Келвінъ пришелъ къ такимъ самымъ заключеніямъ, но онъ за основу своихъ обчисленій принялъ скорость съ якой земля тратить свою теплоту.

Проф. Грекорі базировалъ свои обчисленія на солености морской воды. Онъ рѣшилъ, што потребно было найменьше 750' миллионовъ лѣтъ, чтобы морская вода получила пышніюю степень солености.